

Россия. - 2004. - 5-11 авг. - с. 21

Татьяна Лизознова: «Я пробивала стены лбом»

Беседовала Евгения Ульченко

Наверное, нет у нас в стране человека в возрасте от 10 лет и старше, который хотя бы раз в жизни не посмотрел легендарный фильм «Семнадцать мгновений весны». На днях режиссеру телесериала о русском Джеймсе Бонде — Татьяне Михайловне Лизозновой исполнилось 80 лет.

— Татьяна Михайловна, ваши фильмы стали брэндом советского времени, как космонавтика, хоккей и балет. Как вы ощущаете себя сегодня, ностальгию по прошлому испытываете?

— Раньше действительно было чем гордиться. Вся страна следила за успехами нашей хоккейной сборной. Даже моя старенькая мама знала всех хоккеистов по именам. Сидя у телевизора, она говорила: «Смотри, смотри — Мальцев забил!» Она узнавала его со спины. Болельщики не собирались по клубам и пивным барам, не делали ставки в букмекерских конторах, не переворачивали машины и не колотили витрины и друг друга. А после игры сборной России по футболу на последнем чемпионате Европы, что можно испытывать и где наше место? Выразиться не хочется. При этом сейчас считается хорошим тоном называть наш народ «совком» и иронизировать по поводу прошлого.

— Говорят, была Татьяна Лизознова — знаменитый режиссер, лауреат, орденосица, профессор. Были слава, имя, прочный тыл. Оглянуться не успела — ни работы, ни денег, ни советского кино...

— Я была не просто молодая, здоровая и успешная. Я была счастлива, потому что жила своими картинами, снимала их из любви к людям и для людей. Я ни пить, ни есть не могла без своих зрителей. Не просто хлебом-солью встречали нашу съёмочную группу в кинотеатрах страны, а как своих родных. Директора, заведующие клубами, каскадеры, билтерши приносили из дома посуду, скатерти, еду...

— Но на отсутствие зрительского внимания вам и сегодня жаловаться не приходится. «Евдокия», «Три тополя на Плющихе», «Семнадцать мгновений весны», «Карнавал», «Мы, нижеподписавшиеся» — ваши фильмы не сходят с телевизионных экранов.

— Письма от зрителей по-прежнему приходят мешками, но, как человека творческого, меня, конечно, сильно расстраивает то, что сейчас я

не у дел. Ведь в моем понимании жизнь может быть нормальной, только когда в ней есть интересная работа.

— Почему вы перестали работать и когда сняли свой последний фильм?

— Я не совсем понимаю сейчас аудиторию, которая находится по ту сторону экрана, а мой самый последний фильм — «Конец света с последующим симпозиумом» — до зрителей так и не дошел. К моему великому огорчению, картина была показана по телевидению только один раз, и ее тут же запретили. Видимо, потому, что делалась она совместно с американским автором. Я не могла выбросить из фильма ни одного слова. Было это в 1986 году. И телевизионные ребята тогда вздрогнули. Они почему-то всегда вздрагивают при слове «Америка». Не знают: падать ниц или бежать сломя голову, пока при полной памяти.

— О вас говорили «язык, как бритва» и называли «железной леди» советского кино. Один из первых отечественных мюзиклов — фильм «Карнавал» — про обычную девочку, которая идет к цели, пробивая стены советским лбом. Вы знаете, что это такое?

— Еще бы! У меня все фильмы, так или иначе, про себя. Героиня фильма, которую замечательно играет Ира Муравлева, хватается за любую работу, преодолевает всеские тяготы и лишения, и в итоге ее мечта сбывается. Она становится певицей.

— Если уж я бралась за что-то в своей жизни, то шла напролом, чего бы это мне ни стоило. Вопросов, трудно будет или нет, справлюсь ли, — никогда не было. После первого испытательного семестра меня выгнали из ВГИКа за профнепригодность. Сначала я, конечно, порывалась как следует, а потом встряхнула себя и написала эссе. А вместе со мной отчислили несколько человек. Я их отыскала, уломила репетировать. Как угодила Герасимову посмотреть — отдельная история. Но после просмотра он сказал, что мы все можем возвращаться. Все — понимаете?

Марлен Хуциев поздравляет юбиляшу

А в 1948 году меня уволили со студии Горького — еврейка. Кадровик в главке, куда я пошла восстанавливать справедливость, так кулаком по столу грохнул, что карандаши из стаканчика вылетели: «Вы нигде не будете работать!» И чья взяла?

— Получается, что добиться успеха в жизни можно, только разбив себе лоб? — Я наблюдала рядом с собой много подобных примеров, а других просто не знаю.

— Ради профессии режиссера вы отказались от семьи и личного счастья. Теперь, спустя годы, не жалеете об этом?

— Семья у меня была. Я жила вдвоем с мамой — нежной, наивной, трогательной и любящей. Простая женщина с Черниговщины, три класса образования... Она стала не только моим лучшим другом и советником в жизни, но и главным зрителем — тонким, умным, понимающим.

— Отец любил ее безумно, но в 41 м ушел в ополчение и погиб под Смоленском. У нас в семье все мужики погибли, остались одни бабы. Мама была очень больным человеком, диагноз — безжалостный — сердечная астма. Помню картинку из детства: мама лежит, стонет, а у кровати отец носовым платком лихорадочно моет пол — помочь не может, но чтобы хоть дышалось легче. А сколько я потом бессонных ночей провела у ее постели — разве об этом расскажешь? Вот мужа и детей действительно не было. Значит, не судьба, видно. Но со мной сейчас моя приемная дочь — Людмила Лисина.

— Одна из популярных газет несколько дней назад написала о вашем романе с Арчилом Гомнашвили. Говорят даже, что он хотел стать вашим мужем.

— Да, у меня есть эта газета — она из тех многих, с которыми я, простите великодушно, не хожу даже в туалет. Арчил на самом деле очень красиво за мной ухаживал, но наш с ним роман был коротким и закончился, когда Гомнашвили не получил роль Штирлица. В интервью он рассказывает о встрече со мной в самолете «Москва—Тбилиси»: якобы он детел с двухлетней дочерью, которая родилась у него, пока я снимала «Семнадцать мгновений весны». Самолет действительно был и дочка Ниночка, но только

вот летела она не с Арчилом, а со своей мамой.

— А как же слова Гомнашвили: «Ты веешь металлические банки с фильмом, а я — маленького человечка»?

— Лично мне он этого не говорил, а если захотел вдруг таким образом, спустя годы, свести со мной счеты через газету, то я отказываюсь комментировать его действия.

— По большому счету мне Арчила жаль, потому что он свой талант продал. У него в Москве два ресторана, он живет в правительственном доме и, скорее всего, счастлив. Ему бы подумать сейчас о своей родной Грузии, правительственной которой целует зад Америки. И не только ему одному. Вместо этого грузинские мужчины обожают прикатить в Москву, чтобы с присущим им шиком приударить за местными дамочками, папками на грузинский темперамент. Ну и Бог с ними со всеми.

— Рассказывают, что в юности вы были необыкновенно хороши собой. Правда, что в числе ваших поклонников были академик Кириллин и Константин Симонов?

— Довольно-таки смешно мне в мои-то годы вспоминать былые победы. Знаю, что многие публичные люди делают это с превеликим удовольствием, но я не из их числа. Нет ничего нелепее состарившегося секс-символа. Я — не Кончаловский и не достигла уровня его раскрепощения.

— Помню, конечно, все свои романы. Ну и что? Не книгу же теперь об этом писать. Я работаю сейчас над книгой, но она не о личной жизни, а о моей режиссерской судьбе.

— Симонов был мной увлечен, но не думаю, что его чувства ко мне были глубокими. Он был тогда главным редактором «Литературной газеты», куда я писала заметки, потому что денег катастрофически не хватало. Константин Михайлович замечательно ко мне отнесся, а я боялась ответить на его ухаживания, да и мама моя была категорически против этого мезальясия. Однажды она увидела нас во дворе у машины, на которой Симонов меня подвозил, и устроила дома выволочку: ты — молодая девушка, раскатываешь с солидным мужчиной, что о тебе подумают? И не то чтобы я тогда испугалась, просто действительно мелькнуло: кто я, а кто Симонов? А мой пос-

ледний поклонник — Иван Васильевич Кириллин был страшным противником того, чтобы я снимала фильм «Мы, нижеподписавшиеся».

— Ну, у тебя будут крупные неприятности. Откажись от съемок пока не поздно, — уговаривал он. Мне легче было отказаться от Кириллина.

— Гомнашвили, кроме всего прочего, публично заявил, что якобы Тихонов, преследуя корыстные цели, ходил жаловаться в ЦК, дескать, почему роль русского разведчика будет играть грузин?

— Для меня в выборе кандидатуры на роль Штирлица вариантов не было. За работой Вячеслава Тихонова я наблюдала давно и с удовольствием еще со времен съемок «Молодой гвардии». Думаю, что время подтвердило правильность моего выбора.

— Сейчас некоторые считают, что этот выбор был вообще пророческим. Какой-то журнал в середине девяностых провел социальное исследование — читателю предложили избрать президента России

из любимых кинорежиссеров. С гитлеровским отрывком победил Штирлица. Прошло время, и страна избрала в лидеры подтянутого, немногословного полковника разведки.

— Интересно, кто правил бы сейчас страной, если бы Штирлица сыграл Гомнашвили? И в кого из наших правительственных дам воплотилась радистка Кат? Я только по мере сил выполняла свою режиссерскую работу, творить отечеству кумира на все времена совершенно не входило в мои планы.

— Простая жизнь — преемственная штука, в ней много чего непонятого происходит. Ну а рок вообще, как известно, с большим чувством юмора.

— В 1973 году, когда фильм «Семнадцать мгновений весны» вышел на телеэкраны, вся страна, позабыв про все на свете, получала по вечерам «информацию к размышлению». Это правда, что Брежнев смотрел каждую серию и плакал?

— Может показаться не правдоподобным, но он ре-

гировал на фильм, как ребенок. Однажды, расчувствовавшись, достал из домашней аптечки вместо сердечных капель слабительное и выпил. Мне рассказывал об этом председатель Гостелерадио Лалин. Леонид Ильич мог, пропустив стаканчик, поинтересоваться у Кати Градовой здоровьем двух ее детей и пообещать актеру Тихонову заслуженные в тылу врага звания и ордена.

— Похоже на апокриф или анекдот. Кстати, как вы относитесь к анекдотам о Штирлице, их ведь гуляет по просторам родины, «на которую Штирлица рвет», больше сотни. Вы не знаете лично тех, кто их сочиняет?

— Никогда этим не интересовалась. Мне нравятся умные анекдоты, а глупые раздражают, как всякого нормального человека. Штирлиц по-прежнему популярен, анекдоты о нем — подтверждение его высокого рейтинга у народа. Много анекдотов вы слышали о Джеймсе Бонде? То-то и оно.

— Правда, что на съемках «Семнадцати мгновений весны» из-за перегрузок у вас были сердечные приступы прямо на площадке?

— Я всегда работала на износ. Не раз прямо со съемок попадала в реанимацию, а потом удирала из больницы, чтобы продолжить работу.

— Гонорары большие получаете за показ своих картин на ТВ?

— Ни копейки, и меня это не слишком огорчает. Сегодня некоторые бывают счастливы, заработав на 100–200 рублей в день больше, чем ожидали. Хотя теперь, наверное, уже не 100–200, и тем более не рублей... Подобное счастье не про меня. При том, что я человек не слишком состоятельный и вынуждена тратить много денег на лечение. С людьми в белых халатах теперь приходится встречаться гораздо чаще, чем это прилично. Вот и в минувшую субботу одна за другой приезжали три «скорые», и шестеро амбалов возвращали меня к жизни. Когда-нибудь у этих ребят ничего не получится, но не накануне же юбилея.

— Вы любите отмечать свой день рождения?

— Я все свои юбилеи переживаю тяжело. Даты на меня давят, вызывают ритмию и шум в ушах. Нужно время, чтобы к ним привыкнуть. А с актерами общаться не по делу просто совершенно некогда. По мне так лучше пойти в театр на хороший спектакль с участием этих актеров. Слава богу, что Первый канал подготовил сейчас обо мне передачу. Благодаря ей я наконец-то встретилась недавно со своими одноклассниками и учениками. С первыми мы когда-то все вместе делали фильм «Молодая гвардия», а бывшие мои студенты тоже уже имеют самостоятельные творческие работы. Жаль, что заняты они много меньше, чем хотелось бы. Но для кино это обычная ситуация. Кстати, один из моих любимых учеников, сын композитора Андрея Эшпая — Андрей Эшпай-младший, подарвал мне тем, что собирается в ближайшее время начать съемки многосерийной картины «Дети Арбата».

— Какой самый дорогой подарок вы получили в свой жизни?

— Так, дайте подумать... Я цветы на длинных стеблях очень люблю, но в эти дни у меня вся квартира ими завалена... А Тихонов мне семнадцать лилий подарил — неземной красоты. Очень трогательно, я думала, что новый инфаркт получу, а он плакал... Самый главный подарок, конечно, — это возможность снимать картины, которые несут добро. Сейчас некоторые мои коллеги, словно стоворившись, снимают по-настоящему страшное кино. Я против любой клиники в искусстве. Напаугать зрителя всякий сможет, а ты попробуй-ка его хотя бы чуть-чуть успокоить, дай ему немного тепла и света и хотя бы капельку надежды...

Слова

Иосиф Кобзон:

— Татьяна Михайловна — гениальный режиссер. Но как она ломала меня при записи песен для «Семнадцати мгновений весны», забить невозможно. Она реально меня ломала, она всех так ломает, я в этом уверен. «Мне не нужен Кобзон!» — заявила она, буквально влетев в студию, где шла звукозапись. «Зачем же вы меня пригласили?» — «Вы меня не так поняли. Мне не нужен Кобзон, мне нужен Штирлиц». Она выжала из меня все соки и выпила всю кровь. Но после встречи с ней мне уже ничего в этой жизни не страшно.

Олег Табаков:

— Хрупкая женщина Таня Лизознова с горящими, прямо как маленькие угольки, глазами вела себя на съемках совершенно не по-женски. Она умела выжать из артиста, как мне кажется, почти максимум того, на что он способен. Таня заставила меня так жить в образ фашиста, что Юрий Андропов после премьеры фильма на Лубянке сказал: «Олег, это безнравственно — так играть немецкого генерала».

Максим Дунаевский:

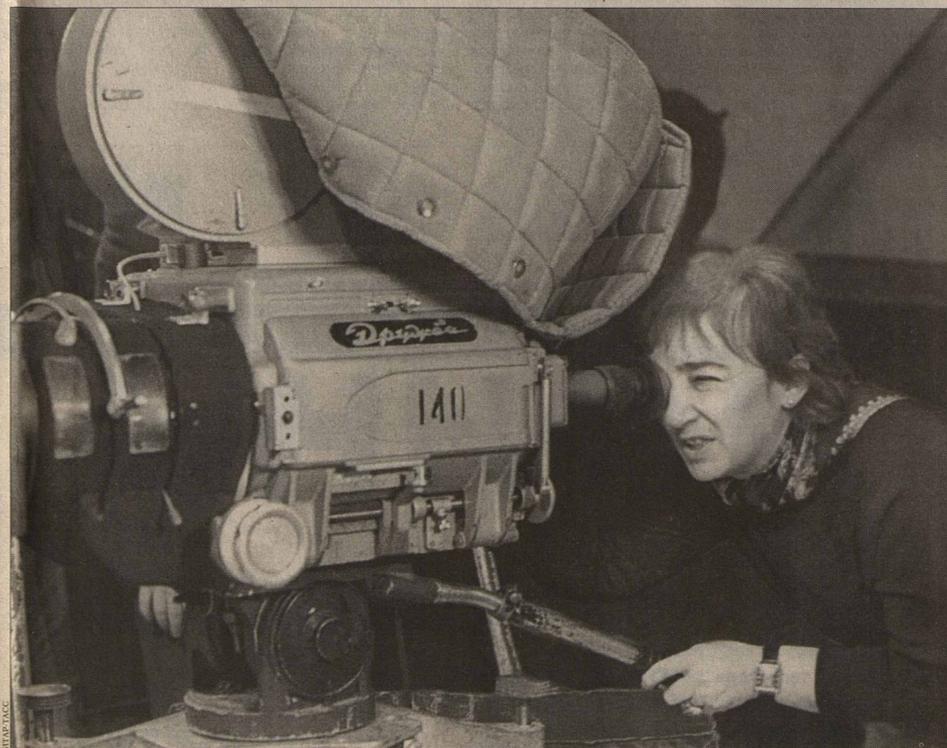
— Она трудолюбива, без всякой жалости изводила съёмочную группу бесконечными переделками. Всегда. Это может подтвердить любой, кому хотя бы раз посчастливилось с ней работать. Татьяна Михайловна художник, который следует постулату — в искусстве не существует мелочей. Она постоянно в сомнениях: так это или не так, может быть, следует еще попробовать? Если был всего один шанс заменить просто хорошее на лучшее, она его обязательно использовала.

Леонид Куравлев:

— Мастер с большой буквы! Она очень любила репетировать, это чрезвычайно важно. Потому что Татьяна добиралась до самых тонких, невероятных вещей в образах героев своих картин.

Александр Абдулов:

— Я был мальчишка, щенок, а она — Маргарет Тэтчер. Никогда даже мечтать не смел у нее сниматься. Встречу с Лизозновой считаю поворотной в своей актерской судьбе. Она утвердила меня на роль в фильме «Карнавал» без всяких проб, она вообще редко устраивала пробы, потому что и без них ясно себе представляла, кто, кого, когда и как сыграет.

Татьяна Лизознова на съемках фильма «Семнадцать мгновений весны»